

М. Я. СЮЗЮМОВ

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АНДРОНИКА КОМНИНА И РАЗГРОМ ПРИГОРОДОВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ В 1187 ГОДУ

Вплоть до конца XI в. большинство византийских императоров проводило политику в интересах городской константинопольской знати, богатых домовладельцев и собственников пригородных проастиев и кораблей. Политика эта способствовала развитию товарного хозяйства в Константинополе и пригородах, давала возможность некоторым удачливым лицам из торгово-ремесленной прослойки покупать звания и проникать в среду правящей аристократии. Некоторые торгово-ремесленные корпорации столицы имели исключительные выгоды от предоставленных им привилегий¹. Но эти привилегии не распространялись на пригороды, и, нужно думать, что за стенами города большинство трудового населения (за исключением рыбаков и отчасти строителей и виноградарей, которые тоже организовывались в артели²) не имело своих объединений³. Да и в самой столице огромная масса ремесленников была вне цеховой организации, — поэтому условия жизни и политические симпатии константинопольской трудовой бедноты и пригородных ремесленников и земледельцев естественно должны были быть весьма сходными⁴.

¹ Книга Эпарха II, 4; V, 3—4; VI, 8, 15—16; VIII, 13; X, 2; XI, 1; XII 2. (УЗ Свердловского пединститута, вып. VI, 1949)

² Novellae Leonis, VI, CII, CIII. Corpus juris civilis, vol. III. Lipsiae, ed. 16, p. 830—831.

³ Во всяком случае, несмотря на то, что ведомству эпарха подлежали дела не только городских, но и прочих ремесленников и торговцев, «Книга Эпарха» не касалась корпораций вне стен столицы.

⁴ Ни в коем случае не следует упускать из виду, что в Константинополе наряду с трудовой беднотой существовала многочисленная люмпен-пролетарская прослойка. См., например, 80-ю новеллу Юстиниана, включенную в Василики (VI, 6, 9), в которой говорится о коренных жителях столицы (αὐτόχθονες), являющихся физически крепкими, но не желающими работать (μη βουλήσασιν προεδρεύειν ταῖς ἐργασίαις...). См. военный трактат Анонима (VI в.), в котором особенно ярко нетрудовой элемент столицы противопоставляется трудящимся. В трактате говорится о наличии ἀχρηστον μέρος — бесполезной части населения и о τὸ μέρος ἄργον — бездельниках, которые ничего не делают, и в тоже время проявляют склонность к грабежам и всяческим преступлениям и являются опасным элементом (Köchly und Rüstow. Griechische Kriegsschriftsteller, T. II, T. 2. Leipzig, 1855, Anonymus, p. 44, 42). Аноним резко осуждает этих праздных бедняков, противопоставляя им τὸ ὀλίγον, τὸ ὑπηρετικὸν μέρος — ремесленников и прислугу. На это осуждение праздных элементов из низов столицы указала Н. В. Пигулевская («Византия и Иран на рубеже VI и VII веков», М.—Л., 1946, стр. 133). 60-я книга Василик насыщена статьями и сколиями к ним относительно борьбы против воровства и грабителей (тит. 12, 13, 17, 18). О многочисленности преступных элементов в Константинополе резко отзывался Одо де Диогило: . . tot fures, quot pauperes, ibi sceleratus quisque nec metum habet, nec verecundiam. . . ibi caedes exercentur et latrocinia. . . (Odonis de Diogilo de Ludovici, VII, c. IV,

В конце XI в. в экономике и в политическом строе Византии произошли крупные перемены. Власть перешла в руки провинциальной военно-земледельческой знати. Династия Комнинов уже не склонна была защищать интересы торгово-ремесленных кругов. Совершенно изменилось правовое положение и экономическое влияние иностранного купечества. Если в X в., судя по статьям «Книги эпарха», иностранные купцы были весьма ограничены в правах⁵, то с конца XI в. им были предоставлены особые привилегии⁶, которые фактически свели на нет бывшие преимущества местных корпораций.

Естественно, что привилегированное положение иностранного купечества не могло не отразиться и на экономике пригородов, где имелся ряд важных производств. Ненависть к «латинянам» стала общей, как у городских, так и у пригородных жителей.

Черты социально-экономического развития Византии, присущие ей в течение нескольких веков, уже с середины XI в. перестают быть для нее характерными. Вместо скупки крестьянских участков, сгона крестьян и организации барского хозяйства⁷ стал развиваться институт пронии, как преобладающая форма общественных отношений в византийском феодальном государстве. Невозможно понять сущность политических и социальных конфликтов XII в., игнорируя сложность и — если можно так выразиться — многообразие процесса утверждения этого института⁸.

Институт пронии в том виде, как он укрепился в XIII—XIV вв., произошел из самых разных форм предоставления государством отдельным лицам прав на получение доходов. Как совершенно правильно отметил Г. Острогорский⁹, основой прониарного владения всегда и непременно

PL, t. 85, col. 1222). Эта часть населения Константинополя ничего общего не имела с трудовой беднотой столицы и пригородов. Византийские историки с полным правом относятся с презрением к этой «черни» (*δούλοι*), но они не правы, когда понятие «черни» распространяют на все обездоленное трудовое население столицы. Люмпен-протетарские массы, оторванные от постоянной трудовой деятельности, привыкшие к нетрудовым источникам существования, могли стать орудием в руках правящих групп и выступать против трудящихся, как это и имело место во время событий 1185—1187 гг.

⁵ Книга Эпарха, IV, 8; V, 5; XX, 2.

⁶ Договора X в. с русскими, основанные на взаимных выгодах торгующих сторон, не предоставляли иностранцам привилегий для организации предприятий внутри столицы. Договора с мусульманами давали привилегии только религиозного порядка. Иного характера был договор мая 1082 г., по которому венецианцы получали существенные привилегии для предпринимательства в самом Константинополе и других городах империи.

⁷ Theophanes Continuatus, Bonnæ, 1838, p. 317—321; Jus, vol. III, p. 248, 255; F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung. Leipzig—Berlin, 1927, S. 115.

⁸ Нам непонятно положение А. П. Каждана (Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., 1952, стр. 208) о том, что подлинно научное понимание пронии может быть достигнуто, если этот институт будет рассматриваться не в юридическом плане, а в связи с изменениями форм взимания феодальной ренты. Мы должны напомнить, что при одном и том же виде феодальной собственности могут применяться самые различные формы взимания ренты. Понятие пронии, как и всякой формы собственности и владения, не может быть изучено вне юридического плана, так как собственность есть только юридическое выражение производственных отношений (см. К. Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 7). Игнорирование юридических норм собственности фактически приводит к отказу от выяснения различных форм собственности, приводит к ограничению анализа экономического строя страны отношениями эксплуататоров к эксплуатируемым, оставляя в стороне экономически-правовую основу отношений между собою различными прослоек внутри господствующего класса феодалов, что чрезвычайно важно при анализе политической борьбы в обществе, разделенном многочисленными сословными перегородками.

⁹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 83.

является юридический акт пожалования¹⁰ διὰ θείου καὶ βασιλικῆς προσηνότητος ὀρίσμιος. Пожалования могли быть различных видов: 1) земли (γῆδ'α); 2) права ведения хозяйства на данной территории (οἰκονομία); 3) права управлять данной территорией (ἀρχή); 4) права на сбор налогов, пошлин в свою пользу (ποσότης); 5) права на зависимых работников (τῶν παροίκων). Все эти права, взаимно дополняясь и нивелируясь, превратились в XIII—XIV вв. в единую, специфичную для Византии форму условной феодальной собственности — пронию.

Особо следует остановиться на процессах, происходивших в среде стратиотов. Г. Острогорский отрицает возможность происхождения пронии из κτήματα στρατιωτικά на том основании, что стратиот IX—X вв. и прониар последующего времени — лица различных социальных групп¹¹. Стратиот X в. в сущности был крепким крестьянином, тогда как прониар — феодал. Не следует, однако, забывать, во-первых, о том, что в среде стратиотов в конце X в. произошла дифференциация — в результате реформы Никифора Фоки из среды стратиотов выделился разряд рыцарей «катафрактов», которых уже нельзя считать крестьянами¹². Уже в середине X в. в «De velitatione bellica» Никифора Фоки говорится о стратиотах, имеющих дома своих зависимых людей¹³. Правда, κτήματα στρατιωτικά даже крупного размера, даже если стратиот уже фактически не имел ничего общего с крестьянином, не были прониями: в κτήματα στρατιωτικά X в. не входили территории, населенные свободными собственниками — пателыщиками налогов. Но — и это второе, о чем следует напомнить, — при Мануиле Комнине «стратиоты» стали получать право распоряжаться свободным до того времени населением пожалованной территории¹⁴.

Таким образом, сущность тех изменений, которые произошли во время правления Мануила Комнина, заключается в передаче определенной территории страны под хозяйственное руководство (εἰς οἰκονομίαν) или в управление (εἰς πρόνοίαν) какому-либо лицу с правом получать содержание от населения данной территории, безразлично, будет ли данное лицо выполнять гражданскую службу (ἄρχων) или же военную (στρατιώτης). Получив

¹⁰ Предварительно необходимо отметить, что попытки отождествить вотчину, полную частную собственность на землю, с пронией, условным владением, неудачны. Г. Острогорский, привлекая ряд документов, доказывал, что прония, безразлично на одно лицо или наследственная, никогда не становилась полной частной собственностью, но оставалась условным владением казенной земли (G. Ostrogorski. Op. cit., p. 67, 148 sq., 186). Прония никогда не была свободно отчуждаемой собственностью (за исключением случаев, когда прония в силу юридического оформления акта превращалась в вотчину). Однако неотчуждаемость по византийскому праву вовсе не предполагает абсолютного запрета передавать свои права другому лицу. Так, например, киторские монастыри были собственностью церкви и существовал абсолютный запрет их продажи и отчуждения вообще. Но права ктитора и его обязанности «могли и продаваться и покупаться...» Ср. Новелла Юстиниана VII, cap. 11, Номоканон Фотия (титул II, 1, 3), толкование Феодора Вальсамона («Номоканон Фотия», изд. К. Нарбекова, Казань, 1899, стр. 131). В полном противоречии со своим утверждением о значении акта пожалования в происхождении института пронии Г. Острогорский (op. cit., p. 16) полагает, что именно из среды динатов X в. вышли прониары последующего времени. Это невозможно, так как динаты X в. захватывали и покупали и землю в полную собственность, тогда как для пронии существенным является пожалование в условную собственность.

¹¹ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 15.

¹² A. Gfrörer. Byzantinische Geschichte, Bd. III. Graz, 1877, S. 36; Г. Дельбрюк. История военного искусства, т. III. М., 1938, стр. 140; А. П. Каждан. Византийская армия в IX—X веках. УЗ Великолукского государственного педагогического института. Великие Луки, 1954, стр. 29.

¹³ Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti (in: Leonis Diaconi Historia, Bonnae, 1828), cap. XIX.

¹⁴ Nicetas Choniata. Historia, Bonnae, 1835, p. 273.

в качестве пожалования определенный участок, ἄρχων или στρατιώτης стремились максимально эксплуатировать его население. И чем больше злоупотреблений своею властью и своими правами проявляли «архонт» или «стратиот», тем полнее население превращалось из свободного в зависимое, а чиновник — архонт или стратиот — становился условным феодальным владельцем данной территории.

Динамам X в. не удалось поглотить мелкое свободное землевладение. Но в XII в. византийское правительство стало передавать в распоряжение «архонтов» и «стратиотов» в качестве пронии тех самых свободных мелких собственников, земли которых оно само ограждало в предшествующий период от вождения динатов. Создается такое впечатление, что новеллы X в. препятствовали переходу крестьянских земель в руки динатов только потому, что императоры стремились иметь впоследствии фонд для раздачи в качестве пронии.

Никита Хониат передает, что громадное количество «свободных римлян» было превращено в зависимых, обязанных υπηρετεῖν ἐν σχήματι δούλων¹⁵. На нескольких ярких, полных гнева страницах своей «Истории» он отмечает исключительную болезненность этого процесса¹⁶. Его возмущало, что цари пользовались общественным, как своим собственным (χρησθῆαι τοῖς κοινοῖς ὡς ἰδίοις), и раздавали, кому желали¹⁷.

Разнообразие форм пронии давало возможность проникнуть этому институту и в города, и в пригороды, и на море, где пожалование доходов от сбора пошлин и налогов могло давать особый эффект. Мы не располагаем данными о широком распространении института пронии в пригородном районе Константинополя, но зато в отношении окрестностей Фессалоник таких данных много сохранилось в монастырских архивах. Трудно допустить, что окрестности Константинополя были в этом отношении исключением; наоборот, когда в источниках говорится о θαλάσσις προνομίας¹⁸, то в основном имеются в виду морские промыслы рыбаков Пропонтиды.

Пронии при Мануиле не были наследственными, — следовательно, были объектами самого хищнического хозяйствования, что, конечно, не могло не сказаться очень отрицательно на общем экономическом развитии страны.

*   *
*   *

24 сентября 1180 г. умер император Мануил. К концу его правления как внешнее, так и внутреннее положение Византии чрезвычайно осложнились. Особенно был тяжел 1177 год: военная катастрофа при Мириокефалоне поставила под вопрос самое существование византийской власти в Малой Азии; дипломатическое поражение на Венецианском конгрессе свело к нулю все усилия Византии в Италии. Не был разрешен вопрос об отношениях с Венецией, что создавало особые трудности как дипломатического, так и торгового характера. Финансовое дело доведено было до крайней разрухи. Налоги выкачивались бесконтрольно, причем только малая часть собранного поступала в казну¹⁹. В то же время продолжало расти — особенно в столице — богатство и влияние «латинских» резидентов. Многие из них получили в форме проний различного вида права на

¹⁵ Nicetas Choniata. Historia, p. 273. 13.

¹⁶ Ibid., p. 273—274.

¹⁷ Ibid., p. 274. 10.

¹⁸ Annae Comnenae Alexiadis libri XV, Bonnæ, vol. II, 1878, p. 348.

¹⁹ Nicetas Choniata. Historia, p. 267.

эксплуатацию крестьян, ремесленников и рыбаков²⁰. Не столько экономическое преобладание в торговле (несколько ослабленное мероприятиями Мануила против венецианцев), сколько политическое влияние латинян вызывало возмущение в Константинополе; и трудовые массы и знать настроены были против латинофильской политики Мануила, против системы проний и произвола чиновников, которые при системе пожалования доходов и в обстановке произвола превращались в феодальных господ.

Между тем после смерти Мануила правительство протосеаста Алексея продолжало политическую линию Мануила. Против правительства выступает оппозиция со стороны крупнейших представителей родовитой вотчинной знати²¹. Именно эти круги и стали побуждать Андроника «как коня шпорами» к выступлению²². Латинофильской политикой было недовольно и высшее православное духовенство²³. Торгово-ремесленные слои константинопольского населения тоже были настроены оппозиционно. Можно отметить волнения также в среде провинциальных стратиотов, значение которых в военных силах государства подрывалось прониарной системой²⁴. Но особенно враждебное правительству настроение развивалось среди народных масс столицы и ее предместий. Политическая атмосфера Византии накалялась, поползли панические слухи, появились «предзнаменования» бедствий и т. п.²⁵

Опираясь на недовольство знати и высшего духовенства, интриганка принцесса Мария подняла мятеж. Выступили народные массы столицы. Дом епарха был сожжен, юридические документы уничтожены. Движение распространилось на провинцию; Андронику удалось стать во главе недовольных, привлекая их неудержимой демагогией. В первую очередь к Андронику пристали пафлагонские стратиоты: в этой провинции, по-видимому, еще не исчезли стратиоты типа IX—X вв. Они составили ядро сторонников Андроника²⁶. Но основной массой восставших были крестьяне; Никита Хониат не сохранил имени их руководителя, презрительно сообщив, что это был какой-то *εκτορία* — евнух. Против восставших выступили правительственные войска. В битве под Хараксом восставшие, несмотря на свою боевую неопытность, одержали блестящую победу. Это сражение (в котором сам Андроник не принимал участия), решило судьбу правительства протосеаста. На сторону Андроника стали переходить видные лица, очевидно, принадлежавшие к той части знати, которая подстрекала Андроника к выступлению²⁷.

Андроник сделал своей базой малоазийские пригороды Константинополя, куда стали стекаться к нему перебежчики из столицы; на сторону Андроника перешел флот. После этого в Константинополе произошел переворот — протосеаст был свергнут и выдан Андронику.

²⁰ Nicetas Choniata. Historia, p. 321.10; 325.12.

²¹ Ibid., p. 300.12; 301.1; 301.8.

²² Ibid., p. 301.2.

²³ Ibid., p. 298.7; 314.17 sq.

²⁴ Ibid., p. 319.11.

²⁵ Nicetas Choniata. Historia, p. 294.1; cp. Theophanes. Chronographia, ed. C. de Boor, v. I, Leipzig, 1883, p. 272.31.

²⁶ Nicetas Choniata. Historia, p. 299.7; 319.11; 334.9.

²⁷ Утверждение М. Фрейденберга, что сплочение знати вокруг Андроника объясняется будто бы страхом господствующего класса перед возможным повторением апрельского выступления народных масс в 1182 г., нам кажется схематичным и по существу является отказом от анализа действительных причин поддержки знатью Андроника. К тому же знать призывала Андроника еще до событий апреля 1182 г. (см. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке. УЗ Великолукского государственного педагогического института, 1954, стр. 37).

Но отряды «латинян» все еще представляли силу, которая препятствовала победе Андроника. На помощь Андронику выступили народные массы столицы, учинившие разгром латинян. Разгромлены были предприятия западных купцов, уничтожены были и наемные отряды западных рыцарей. И политическое и экономическое влияние итальянского купечества было сокрушено. В борьбе против латинян принимало участие почти все население Константинополя, кроме определенной прослойки знати, связанной с чужеземцами²⁸. Однако в то время, как часть населения сражалась против хорошо вооруженных латинских рыцарей и моряков, толпы грабителей бросились расхищать имущество в оставленных латинянами домах, совершать всевозможные насилия над семьями латинян. Участие в выступлении грабительских люмпен-пролетарских масс привело к тому, что богатства иноземцев не были конфискованы, но попросту разграблены и сожжены.

Ликвидация засилья итальянских купцов была, разумеется, в интересах развития византийской торговли, но разрыв торговых связей с Западом не мог отвечать интересам такого крупного торгового города, как Константинополь. Такой метод освобождения от иностранного засилья, как грабеж, только повредил интересам византийской торговли и сильно осложнил международное положение Византии. Это сознавали и сами византийцы²⁹. Но это событие дало возможность Андронику захватить власть: с 16 мая 1182 г. Андроник стал фактически править Византией. Он переехал в европейские предместья Константинополя, куда вызвал и молодого императора.

В предместье Филопатии Андроник пробыл до апреля 1183 г., очевидно, чувствуя себя в большей безопасности среди населения пригородов, чем в столице с ее буйным люмпен-пролетариатом и интригами придворной знати³⁰.

* *
*

Правление Андроника было недолговременным. Но этот период был ознаменован попытками проведения ряда реформ, обусловленных острыми социальными столкновениями, и поэтому давно привлекал внимание историков. К сожалению, недостаток материалов — особенно по внутренней политике Андроника — крайне затрудняет анализ событий этого времени.

Ни Никита Хониат, ни Евстафий, ни Михаил Аккоминат не дают нам точного представления о сущности административной реформы, проведенной Андроником. Больше всего они говорят о мероприятиях против коррупции чиновничества. И это вполне понятно: в условиях быстрого развития прогнившей системы произвол чиновников имел гораздо большее значение, чем обычное взяточничество. К тому же в составе этого чиновничества, как утверждают Никита Хониат и Михаил Аккоминат, были лица латинского происхождения³¹.

²⁸ Никита Хониат передает, что некоторые латиняне спасались в домах византийской знати: ἄλλοι προσφεύοντες οἴκοις ὑπερφάνοις. (Nicetas Choniata. Historia, p. 326.8).

²⁹ Eustathii Thessalonicensis de Thessalonica capta, PG, t. 136, col. 35. Евстафий пишет, что молитва убитых латинян дошла до бога и вызвала возмездие.

³⁰ Можно отметить, что и во время полного своего господства Андроник предпочитал жить не в городе, а в предместье столицы Филопатии.

³¹ Μιχαὴλ Ἀχομινάτου τὰ σωζόμενα: ἐκδ. ὑπὸ Σπ. Δαμπρού, т. А', Ἐν Ἀθήναις. 1880, т. 1, 158.

Никита Хониат передает о восстановлении Андроником должности претора³². Можно считать, что это — те должности преторов провинций, которые известны по новеллам Юстиниана, включенным в Василики³³. На эту должность Андроник назначал лиц из знатнейших фамилий³⁴, с непосредственным подчинением императору. Преторам Андроник назначал большое жалованье. Существенным было именно то, что вместо администратора и правителя, получившего в качестве пожалования доходы с населения и превращавшегося в феодального владельца, Андроник посылал контролируемого чиновника на жаловании. Систему Дук и Комнинов отдавать вместо жалования доходы с данной территории (что именно и лежит в основе пронии) Андроник, видимо, пытался отменить³⁵.

Одним из важных документов, характеризующих политику Андроника, является хрисовул от декабря 1182 г. Хрисовул издан от имени Алексея II, но, как известно, в это время вся власть находилась в руках Андроника. Хрисовул отменял новеллу императора Мануила 1143/1158 г., которая запрещала передавать земли, пожалованные императором, лицам, не принадлежащим к сенатскому или военному сословию³⁶. Совершенно понятно, что Мануил, стремившийся создать войско из прониаров, принимал меры, чтобы пожалованные земли переходили лицам, связанным с военными обязательствами, или же близким ему лицам из синклита. По мнению Г. Острогорского эта новелла направлена против роста церковного землевладения³⁷. Частично это так, — иначе Вальсамон не приводил бы эту новеллу в своих комментариях к канонам церковного собора. Но она направлена также против горожан. Вообще смысл новеллы — придать пожалованиям условный характер, связать пожалования со службой или в синклите или в армии. Отмена этой новеллы (которой Мануил придавал особую важность, повторив ее в 1155/1170 г.) свидетельствует о том, что новое правительство Андроника не склонно было считать пожалования условным владением, ограниченным в праве отчуждения. Снятие запрета переводило пожалование в полную собственность. Правда, этим хрисовулом могла воспользоваться церковь (в связи с этим Вальсамон и поместил его в свой комментарий), но его значение шире — он свидетельствует об от-

³² Nicetas Choniata. Historia, p. 429.1: ἀναποίων δὲ καὶ τὰς πραιτωρίας ἀρχὰς ταῖς πόλεσι. . .

³³ Nov. Iust., XXIV — Basil., VI, 8; Nov. Iust., XXV — Basil., VI, 9; Nov. Iust., XXVI — Basil., VI, 10; Nov. Iust., XXIX — Basil., VI, 13. Даже отдельные выражения Никиты Хониата о неподкупности преторов текстуально близки фразеологии Юстиниана в его новеллах. В Василиках упоминается также должность *πραιτωρὸς δήμου*. По Юстиниановой новелле (XIII) эта должность носила полицейский характер. Но если по Юстиниановой новелле таких преторов было много, то по Василикам мог существовать только один такой претор в столице (Василики, VI, 5, 7. 1). Вполне возможно, что в городах Андроник ввел также должность *πραιτωρὸς δήμου*.

³⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 429.2.

³⁵ Судя по тому, что Исаак II восстановил во владении множество лиц, можно предположить, что это относится к отнятым Андроником прониям.

³⁶ Как новелла Мануила 1143/1158 г., так и хрисовул 1182 г. известны только по комментариям канониста Феодора Вальсамона к 1-му канону Константинопольского двукратного поместного церковного собора (Γ. Παλλῆς — Μ. Πότλης. Σύνταγμα τῶν ἱερῶν Κανόνων, II, σελ. 653). Ф. Дэльгер (F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. T. 2. München, 1925, S. 89) видит в хрисовуле продолжение латинифильской политики Алексея II в противовес антилатинской политике императора Мануила. Однако, как отмечает Г. Острогорский (Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 42) ничего антилатинского в новелле Мануила нет, так как западные пришельцы получали военные звания и часто включались в состав синклита. Поэтому и в отмене новеллы ничего пролатинского нет. К тому же в декабре 1182 г. правил уже Андроник, чего не заметил Дэльгер.

³⁷ G. Ostrogorski. Op. cit., p. 42.

ходе правительства Андроника от системы проний, условных пожалований.

Такой же характер, по нашему мнению, носит и *ὀρίσμος* к дукке Крита от октября 1184 г.³⁸ Этим документом император утверждает семейству Скордилис в качестве «наследственной области» (*εἰς γονικὴν ἐπαρχίαν*³⁹) и его собственную землю (*γῆν αὐτοῦ*) и прониарное пожалование (*διὰ προνοιατικῆς δωρεᾶς*⁴⁰). Прония по этому документу включается в вотчину семейства Скордилис. *Ὀρίσμος* является одним из примеров практического применения хрисовула декабря 1182 г.

Провинциальная землевладельческая знать, опирающаяся на свои вотчины, могла не возражать против попытки Андроника отказаться от системы проний. Ликвидация политического влияния латинян была, безусловно, выгодной для византийской знати. Но стремление Андроника обеспечить послушание чиновничества путем выплаты им определенного жалования и ввести строгую централизацию шло в разрез с центробежными тенденциями крупных феодалов-вотчинников. Дальнейшие репрессии Андроника сделали византийскую знать оппозиционной.

Мы не можем согласиться с общепринятым положением об антиаристократической направленности правления Андроника, о том, что он будто бы пытался создать демократическую монархию⁴¹.

В качестве доказательства его демократичности приводят обычно ужасающие репрессии Андроника против самых выдающихся представителей знати. Но факты такого типа, взятые сами по себе, не являются еще достаточным основанием для классовой характеристики того или иного правительства. Большая часть казней высших представителей византийской знати вызывалась не соображениями общегосударственной политики, но подозрительностью и мнительностью Андроника. Никита Хониат хвалит Андроника за беспощадную суровость при обуздании чиновников, но за казни знати, по его мнению беспричинные, называет Андроника тираном. Именно эти личные свойства Андроника, его зверство против лиц того же класса, в интересах которого проводилась политика его правительства, — именно это вызвало оппозиционность высшей знати, а не его мероприятия и реформы. Андроник не боялся предоставлять знатнейшим лицам высшие должности⁴² и не предпринимал никаких мер против крупного землевладения.

Политика Андроника в отношении к латинянам до последнего времени не вызывала сомнений. Андроник (вполне согласно со сведениями источников — Никиты Хониата, Евстафия Фессалоникийского, Михаила Акро-

³⁸ MM, vol. III, p. 235—237. Документ спорный, как в отношении подлинности, так и в датировке его и понимании. Дэльгер, Острогорский и Каждан признают его подлинным, относящимся ко времени Андроника. (G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 43—45; F. Dölger. Regesten, T. 2, S. 90; A. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 204—205).

³⁹ А. П. Каждан оспаривает принятое понимание документа, считая, что *ἐπαρχία* есть должность; однако слово *ἐπαρχία* в византийских источниках обозначает область, находящуюся в ведении или чиновника или епископа, т. е. не должность, а территорию.

⁴⁰ Предлагаемый А. П. Кажданом перевод *προνοιατικῆς δωρεᾶς* «заботливо дарованная» не объясняет, почему же в документе имеется противопоставление собственной земли и *προνοιατικῆς δωρεᾶς*. Перевод принятой Герландом редакции тоже вызывает сомнение: *δοθεῖστος* не относится к *ἐδαφος*, следовательно, нельзя переводить «пожалованная» (А. П. Каждан. Ук. соч., стр. 205, прим. 5 и перевод в тексте).

⁴¹ См. М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 215 и сл.: «...программой нового правительства сделалась борьба против эксплуататоров крестьянства — землевладельческой аристократии...», ср. также Ф. Шлоссер. Всемирная история, т. III, СПб., 1870, стр. 66.

⁴² Nicetas Choniata. Historia, p. 429.1.

мината), рассматривался как выразитель византийских интересов в борьбе против влияния западноевропейских элементов. Но в 1950 г. Н. П. Соколов в статье «Восточная политика венецианской плутократии в XII в.»⁴³ обратил внимание на тот факт, что только при Андронике Венеции удалось договориться с Византией о возобновлении дружественных сношений и только при Андронике венецианские купцы смогли приехать в Константинополь. Но из этого не следует, что Андроник «опирался на определенную группу иноземного купеческого капитала — на венецианских торговцев», что Андроник «пренебрег интересами византийского купечества»⁴⁴. Подобные выводы совершенно необоснованы. Неопровержимо, что Андроник решил ликвидировать конфликт с Венецией, что он признал обязательство покрыть материальный ущерб, причиненный венецианцам во время событий 1171 г., и что он даже выплатил 2½ % суммы ущерба. Наладить отношения с Венецией было необходимо. Невозможно было сколько-нибудь нормализовать внешнюю торговлю, не возобновив связей с крупнейшей торговой державой того времени — Венецией. Неправильно было бы думать, что византийское купечество не было заинтересовано в торговле с Венецией. Пагубны были не торговля с Венецией, а особые привилегии венецианцам. Но нет никаких оснований утверждать, что Андроник восстановил все их прежние привилегии.

Выгодный венецианцам договор был заключен не Андроником, а Исааком II. И торговля, и дипломатические и военные интересы Византии требовали налаженности сношений с Венецией. Правительство Андроника до конца оставалось антилатинским. В той армии, которая разбила норманнов, не было западноевропейских рыцарей⁴⁵.

Отношение городской торговой знати к Андронику было двойственным. С одной стороны, мероприятия Андроника, сводившиеся к установлению централизации и обузданию произвола в стране, способствовали развитию товарного обращения⁴⁶. Особое значение для развития городской экономики могла иметь предпринятая Андроником попытка создать чиновничество, посаженное на жалование, и отказаться от системы продажи должностей. По сообщению Никиты Хониата⁴⁷, при Мануиле многие горожане, купцы и ремесленники, стремились перейти в разряд архонтов и стратиотов, т. е. бросить свое предпринимательство, перевести свои средства в феодальное землевладение, получать доход не от предпринимательства, а от эксплуатации переданного в управление населения. Реформа Андро-

⁴³ См. «УЗ Горьковского Государственного университета», вып. 18, 1950, и статью «К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции». ВВ, т. V, 1952.

⁴⁴ М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII веке, стр. 46.

⁴⁵ Никита Хониат (Nicetas Choniata. Historia, p. 713, 22) утверждает, что дож Дандоло хотел отомстить за тот ущерб, который причинил венецианцам между прочим и Андроник. Венецианцев, очевидно, не удовлетворяли обещания Андроника, а льгот от им не предоставлял.

⁴⁶ В интересах морской торговли Андроник повел борьбу против так называемого берегового права, которое, нужно сказать, в Византии никогда «правом» не было. Судя по Морскому Кодексу, включенному в 53-ю книгу Василика, в VIII—X вв. при кораблекрушении нашедший прибывшие к берегу вещи получал из них только 1/5 или 1/10 (См. Basil., vol. VII, ed. E. Ferrini. Lipsiae, 1897, p. 120). Вряд ли борьбу против этого разбоя, хотя бы он и назывался «береговым правом», можно считать уступкой венецианцам, как это думает М. Фрейденберг (К истории классовой борьбы в Византии в XII веке, стр. 46). Это было нормализацией морской торговли, в первую очередь выгодной для тех многочисленных жителей Пропонтиды, которые на легких кораблях везли продукты и изделия в столицу и подвергались всем опасностям непогоды и берегового грабежа.

⁴⁷ Nicetas Choniata. Historia, p. 273.

ника могла препятствовать аграризации константинопольской городской зажиточной прослойки. И Никита Хониат и Михаил Акоминат говорят о благодетельности реформ Андроника для городов.

Но с другой стороны были и причины для враждебного отношения к Андронику: центробежные устремления, закономерные при развитии феодализма на определенном его этапе, проявлялись и в городах, которые, попадая в зависимость от местной знати, жаждали политической самостоятельности, номинальной зависимости от империи. Этим объясняются восстания в ряде городов при Андронике (Никея, Брусса). Кроме того, определенная прослойка городской знати перестала поддерживать Андроника в связи с все растущим террором: поскольку постоянные казни, неуверенность в среде высшей знати подрывали возможность нормального сбыта предметов роскоши, в прекращении террора была заинтересована вся торговая верхушка городского населения.

Что же касается трудовых масс города, то, конечно, антилатинская политика Андроника сделала его популярным. Но никакого облегчения положения городской бедноты режим Андроника не принес. Ремесленная беднота, не имевшая иногда пристанища, страдала не столько от притеснений чиновников, сколько от эксплуатации со стороны домовладельцев, подрядчиков, собственников эргастерий. Ужасающе низкий жизненный уровень городских масс зависел от социального устройства большого торгового города того времени. Масса бедноты была недовольна своим положением и готова была выступать против любого правительства, смутно надеясь на возможность улучшения своего положения⁴⁸. Не удивительно, что когда со стороны знати началось выступление против террористического режима Андроника, городская беднота не только не поддержала Андроника, но даже приняла активное участие в его свержении⁴⁹.

В политике Андроника в отношении крестьянских масс несомненно наличие социальной демагогии. Мы не будем касаться личных мотивов Андроника в проведении такой политики, нас больше интересует объективная сторона вопроса. Мелкое земледельческое хозяйство больше всего страдало от насилия сборщиков налогов, которых считали обыкновенными грабителями. «От бесчеловечия сборщиков податей» разбегались даже священнослужители⁵⁰. Понятно, что попытка некоторой нормализации податного дела, которая была предпринята Андроником, была выгодна крестьянам, особенно если крестьянское хозяйство имело связи с рынком. В результате реформ Андроника подешевели продовольственные товары, что говорит об увеличении завоза продуктов сельского хозяйства в столицу⁵¹. Реформы Андроника, естественно, не могли затронуть феодальных отношений, господствовавших в византийской деревне.

Таким образом мы видим, что политика Андроника в основном соответствовала интересам торговых кругов столицы. Константинополь, который по своему положению и роли в мировой торговле, должен был бы

⁴⁸ Никита Хониат (Nicetas Choniata. *Historia*, p. 376.1) рассказывает, что даже в начале правления Андроника считались с возможным враждебным выступлением бедноты. Так, например, когда на ипподроме у императорской ложи обрушилась часть амфитеатра, Андроник не посмел уйти, так как его предупредили, что если он тронется, то, пользуясь смятением, «народ» растерзает и его и его свиту.

⁴⁹ Согласно Никите Хониату в толпе, которая не дала арестовать Исаака, «случайно не было знатных лиц» (*Historia*, p. 447. 17). Во время убийства Андроника толпа состояла из бедноты, вооруженной ремесленными инструментами и кольями.

⁵⁰ Зонара. Толкование к 18 канону Трулльского «пятошестого» вселенского собора.

⁵¹ Nicetas Choniata. *Historia*, p. 429.13; p. 354—355.

находиться в управлении патрициата, тесно связанного с торговыми предприятиями и мореходством, попал в руки аристократической клики сановников, которые черпали свои доходы не в сфере предпринимательства, а путем ограбления городского и пригородного купечества, ремесленников и крестьянства. Реформы Андроника имели целью ликвидировать такое ненормальное состояние. Никита Хониат говорит о большом просторе для деятельности горожан при Андронике⁵². Вместе с тем реформы Андроника не подрывали господствующего в государстве положения землевладельческой знати.

Препятствуя развитию прониарной системы, Андроник объективно стремился задержать процесс феодального раздробления государства, поскольку феодальная сущность пронии состояла не только в условной собственности на землю, не только в праве на сбор ренты-налога, но и в управлении населением вне подчинения централизованному государственному аппарату⁵³.

Резюмируя, мы можем считать, что реформы Андроника имели тенденцию (минуя этап феодальной раздробленности) перевести Византию на путь создания централизованной греческой монархии с сильным, но послушным императорской власти классом вотчинников, с развитым греческим купечеством. Политика Андроника должна была опираться на поддержку каких-либо сословных институтов горожан и знати. Между тем Андроник не терпел никаких проявлений общественной активности, правил при помощи ужасающего террора, от которого страдали не только его враги, но и окружающие его лица, в том числе даже его преданные сторонники⁵⁴.

Эта система террора была неподходящим методом для проведения реформ. Было бы понятным, если бы террористические мероприятия касались только мятежников Никеи и Бруссy, взяточников и таких лиц, как Исаак Комнин, который стремился стать независимым правителем Кипра. Террор принял широкий размах, между тем при Андронике Византия вовсе не достигла такой степени раздробленности, чтобы такая система террора могла быть оправдана. Византийская знать восстала против Андроника не потому, что была против его реформ, но только против проводимой им системы террора. Господствующий класс всегда заинтересован в наличии определенных гарантий неприкосновенности личности и собственности. Между тем в правление Андроника никто не был гарантирован от казни и конфискации. Негодные методы могут дискредитировать политику, а при наличии неблагоприятных условий могут вовсе сорвать проведение этой политики. Так и случилось при Андронике.

Трудности внешней политики (нападения со стороны венгров и турок), неудачное начало войны против норманнов, захват норманнами Фессалоники и реальная опасность захвата врагами подступов к столице — подрывали авторитет Андроника. Лишившись поддержки со стороны тех слоев, в интересах которых велась его политика, Андроник был свергнут, причем та самая масса, которая активно выступала вначале против врагов Андроника, помогла знати покончить с правлением «тирана»...⁵⁵.

⁵² Nicetas Choniata. Historia, p. 422.19.

⁵³ Оба термина, употреблявшиеся для наименования пронии — *πρόνοια* и *οἰκονομία*, обозначали «управление». Характерно, что латинские завоеватели это «управление» также выдвигали на первый план: прониары назывались «архонтами». В дальнейшем любой землевладелец-феодал в Византии назывался «архонтом», тогда как перед латинским завоеванием под архонтом разумелся чиновник.

⁵⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 440.20.

⁵⁵ Ibid., p. 449.

* *
*

12 сентября 1185 г. на престол вступил Исаак Ангел, представитель тех кругов вотчинной знати, которые первоначально поддерживали Андроника. Нападение норманнских войск, зверства в Фессалонике западных рыцарей вызвали небывалый патриотический подъем во всех кругах византийского общества⁵⁶. Против норманнского флота выступили даже простые рыбаки на своих рыбацких лодках⁵⁷. 7 ноября 1185 г. византийцы одержали решительную победу — войска Враны разгромили норманнов. Положение Исаака упрочилось, хотя ни сам Исаак, ни его окружение в этой победе не играли никакой роли. Исаак был принят восторженно. Евстафий обратился с пышными приветствиями, называя Исаака освободителем как от тирании Андроника, так и от неистовства норманнов⁵⁸. Но в то же время Евстафий с возмущением говорил о людях, вносящих смуты: *ὀυλήσεις τὸν βασιλῆα ταραχῶν*⁵⁹, — видимо, среди масс было много недовольных результатами переворота. Чтобы привлечь на свою сторону население Константинополя, Исаак раздал жителям столицы пять кентинариев золота, накопленные Андроником⁶⁰. Было объявлено о прекращении террора, об отмене смертной казни вообще⁶¹. Осужденные Андроником лица были освобождены, им было возвращено конфискованное имущество и их положение.

Вместе с тем была восстановлена прежняя система продажи⁶² и пожалования доходов с населения, были введены новые налоги и вновь усилился произвол архонтов. Все это естественно вызвало взрыв возмущения среди широких масс и повлекло за собой два почти параллельно проходивших восстания: в Болгарии под руководством Петра и Асеня и в Византии — греческого населения под руководством Враны.

Недовольством народных масс стремились воспользоваться те слои знати, которые не извлекли особых выгод от переворота. Во главе недовольных стал бывший сторонник Андроника, один из богатейших вотчинников Фракии — Алексей Врана⁶³. Врану поддерживала часть

⁵⁶ Nicetas Choniata. Historia, p. 466.1.

⁵⁷ Ibid., p. 474.17.

⁵⁸ Eustathius Thessalonicensis. Opuscula, ed. Tafel, Francofurti ad Moenum, 1832, p. 75.

⁵⁹ Ibid., p. 74.90.

⁶⁰ Ibid., p. 585.18.

⁶¹ Ibid., p. 479.20.

⁶² Ibid., p. 584.12. По словам Никиты Хониаты Исаак продавал должности «как рыночные торговцы — овощи».

⁶³ О времени восстания Враны в источниках нет точных указаний. При датировке этого события мы можем только приближенно руководствоваться сообщениями Никиты Хониаты об общем ходе событий. Восстание в Болгарии, как пишет Никита Хониат, началось зимой 1185—1186 г. Петру и Асеню потребовалось много времени для организационных мероприятий (по Никите Хониату восстание началось не сразу после конфликта Петра и Асеня с византийским правительством — и мы не имеем законных оснований сомневаться в достоверности этого сообщения). После начала восстания последовала неудачная осада восставшими Преславы. Затем происходили нападения на различные византийские города; поход Исаака против восставших болгар не мог начаться раньше лета 1186 г. Затем последовало бегство Петра и Асеня за Дунай, новый поход византийцев под начальством севастократора Иоанна, который был согласно Хониату, успешным. Но севастократор Иоанн был отозван, так как был заподозрен в подготовке мятежа. Затем имел место неудачный поход Кантакузина и только после того начальником карательного похода против болгар назначен был Алексей Врана. Это могло быть не раньше зимы 1186—1187 г.; 1187 г. датирует восстание Ф. Дэльгер (Regesten, № 1574, 1575); в «Истории Болгарии» (М., 1954, стр. 121) Б. Горянов, на наш взгляд, неправильно относит восстание Враны к началу 1186 г.

провинциальной вотчинной знати, которой было, видимо, невыгодно выдвигание новых сановников, купивших должности и власть. К недовольным присоединились и те из военных, которые были обижены при распределении проний; к числу последних можно отнести и Петра и Асена, которые возмущались тем, что их в Константинополе «презирают»⁶⁴, т. е. не дают им проний, хотя они просили малоодоходное селение⁶⁵. Естественно, что такие обиженные были не только среди болгар, но и среди греков. Армия Враны имела в своих рядах много знатных и военных, выражавших свое недовольство правлением Исаака: οἱ δὲ τὸ γένος λαμπροὶ καὶ ἐπίσημοι δι' ἡγεμονίαν ἢ ἀρχηγίαν...⁶⁶. В составе армии были и пленные норманны («сицилийцы»). Но основной массой восставших были простые люди, присоединившиеся к Вране против константинопольского правительства (ὅσοι μὲν οὖν ἦσαν φλαυροὶ καὶ περὶ πεσοῖ...)⁶⁷, в частности наиболее энергичными сторонниками Враны были земледельцы из пригородов Константинополя: τῶν τε ἀγροῦ τῆς πόλεως ἀγροτῶν⁶⁸; особенно нужно отметить в качестве его сторонников рыбаков окрестностей столицы — Пропонтиды⁶⁹. Восстановление в прежних правах архонтов, особенно если им давалось право на доходы с моря⁷⁰, могло тяжело отразиться на многочисленном населении Пропонтиды. Естественно, что после отмены реформ Андроника рыбаки примкнули к восстанию против Исаака⁷¹. Недостаточно опытные в военном деле, но зато великолепные моряки, они приспособили свои рыбацьи лодки к военным целям и превратили их в легкие боевые суда⁷².

Все это говорит о серьезности восстания, о том, что в свержении Исаака были заинтересованы и провинциальная знать и широкие круги населения.

Восстание началось в окрестностях Адрианополя, где расположена была армия Враны, направленная против болгар. Врана повернул свою армию против Исаака и пошел на Константинополь. Он беспрепятственно занял пригороды столицы и дошел до Филопатия. Вся провинция признала Врану. Началась осада столицы.

На стороне Исаака в основном была городская прослойка чиновничества и лиц, получивших от него в пожалование земли и доходы, т. е. придворное окружение императора⁷³. Но главной боевой силой Исаака были местные латиняне. Виднейший из них Конрад Монферратский незадолго до того был специально приглашен Исааком и обвенчан с дочерью императора. Латиняне составили отряд в 250 рыцарей и 500 пеших воинов. Кроме того, в армию Исаака вошли и восточные купцы, прибывшие по торговым делам в Константинополь. За деньги Исаак смог вооружить и некоторое количество из деклассированных элементов столицы: ἀγελαῖον καὶ πτωχεῦον πλῆθος⁷⁴ — конечно, эти лица ничего, кроме грабежа не имели в виду. Но в отношении этих людей Исаак проявлял больше всего внимания в своей показной благотворительности.

Подступив к стенам Константинополя, Врана пытался завязать сношение с населением столицы. Разумеется, он не имел надежды привлечь на свою

⁶⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 482.16.

⁶⁵ G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine, p. 53.

⁶⁶ Nicetas Choniata. Historia, p. 508.14.

⁶⁷ Ibid., p. 508.10.

⁶⁸ Ibid., p. 508.8.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Anna Comnena. Alexiadis libri XV, II, p. 348.

⁷¹ Leonis VI novellae, CII, CIII.

⁷² Nicetas Choniata. Historia, p. 494.22.

⁷³ Ibid., p. 499.2.

⁷⁴ Ibid. p. 511.1.

сторону константинопольских чиновников, латинян и их сторонников. Но тем не менее он надеялся вызвать в городе движение в свою пользу⁷⁵. Возможно, что Врана имел сторонников среди торговых кругов столицы. Во всяком случае после подавления мятежа вместе с головой Враны по улицам носили голову какого-то казненного в то же время торговца⁷⁶.

Была сделана попытка взять столицу со стороны моря. Простые рыбаки на своих лодках напали, дыша особым «гневом» (μῆνεια πνέοντες), как пишет Никита Хониат⁷⁷, на правительственный флот. Это было, по словам Хониата своего рода безумием... Несмотря на неравенство сил, нападение было так стремительно, что военные корабли не смогли развернуться и каждый из них был окружен рыбацкими лодками. Лишь с большим трудом триеры военного флота сумели отразить нападение рыбаков⁷⁸.

Однако, несмотря на героизм народных масс, принимавших участие в движении Враны, его попытка захватить власть не удалась. Врана был убит в бою. Большинство простых людей, сражавшихся в рядах Враны, после его гибели разошлись по домам. Многие бежали к восставшим болгарам⁷⁹.

Исключительную роль в подавлении мятежа сыграли, несомненно, константинопольские латиняне с Конрадом Монферратским во главе⁸⁰. Но очень большое значение имело и то обстоятельство, что знатные лица, принимавшие участие в мятеже, после гибели Враны прекратили сопротивление: у них не было глубоких причин вступать в отчаянную борьбу против правительства Исаака. В переговорах с правительством они, правда, угрожали продолжением мятежа, но только для того чтобы добиться полной для себя амнистии. Исаак не решился прибегнуть к репрессиям — и все сторонники Враны из аристократии были безоговорочно «прощены». Это «прощение» восставшая знать встретила с насмешками. Как бы то ни было, но знать отошла от принимавших участие в восстании масс.

Совершенно иначе поступило правительство Исаака с принимавшими участие в восстании пригородными жителями, особенно моряками. Оно, конечно, учитывало, что если мятеж знати можно было считать полностью ликвидированным, то вовсе не исчезла опасность со стороны народных масс — и в первую очередь, со стороны населения константинопольских пригородов. Жители пригородов разошлись по домам, вероятно, с оружием, и ничто не мешало им впоследствии выступить снова. Опасность для господствующей клики была тем реальнее, что в самой столице трудовое ремесленное население, как показали дальнейшие события, было солидарно с трудовым населением пригородов. Поэтому Исаак призвал латинян и столичных жителей «наказать» подгородных крестьян и рыбаков Пропонтиды за то, что они принимали участие в мятеже Враны⁸¹.

По отношению к тем самым рыбакам, которые так активно сражались против императорского флота, правительство не остановилось даже перед применением греческого огня. Это было столь неожиданно, что население не смогло оказать никакого сопротивления. Все строения запылали среди

⁷⁵ Nicetas Choniata. Historia, p. 494.7.

⁷⁶ Ibid., p. 506.15.

⁷⁷ Ibid., p. 495.17.

⁷⁸ Характерно, что греческий огонь при этом не был использован. Никита Хониат объясняет это тем, что с суши подоспел отряд Враны, — но нам непонятно, как отряд, находившийся на берегу, мог помешать использовать греческий огонь. Вероятно, моряки правительственного флота воспротивились применению греческого огня против своих земляков.

⁷⁹ Ibid., p. 508.12.

⁸⁰ Ibid., p. 512.1.

⁸¹ Ibid., p. 510.8.

ночи, всюду началась паника. А наутро против жителей пригородов направился Конрад со своими рыцарями и с огромной толпой, состоявшей в своей массе из деклассированных элементов Константинополя, жаждущих пограбить, безразлично где⁸². Пригороды подверглись систематическому разгрому. Никита Хониат сообщает, что не были пощажены даже монастыри и храмы. И когда Исаак приказал остановить грабежи и убийства, все уже было уничтожено. Нужно думать, что латинские торговцы умышленно разрушали хозяйства своих конкурентов — пригородных ремесленников и моряков Пропонтиды.

На следующий день в Константинополе последовал взрыв возмущения. Поднялся трудовой народ столицы, не имевший ничего общего с константинопольской чернью, грабившей вместе с латинянами пригороды. Возмущенные теми зверствами, которые латиняне обрушили на жителей пригородов, константинопольские массы двинулись на кварталы, населенные латинянами. Никита Хониат, вообще не склонный оправдывать народные волнения, тем не менее описывает, как героически шли против великолепно вооруженных латинян константинопольцы, ничем не защищенные, почти без оружия, как они потерпели большие потери от готовых к бою латинян. На другой день знатным лицам удалось уговорить народ не нападать больше на латинян, уверяя, что те потерпели большие потери⁸³ и что цель нападения — отомстить за убийства в пригородах — достигнута.

Несмотря на подавление движения Враны и жестокий разгром константинопольских пригородов народные выступления в империи не прекращались.

Вскоре вспыхнуло восстание, возглавленное самозванцем Псевдо-Алексеем. Восстание, видимо, носило аграрный характер — Псевдо-Алексея звали *Καυσαλώνης*, т. е. сжигающий гумна⁸⁴. Многие города передавались самозванцу, многие — были разрушены. Псевдо-Алексей был предательски убит. Массы были до того настроены против правительства, что любой авантюрист мог легко поднять их на восстание. В Пафлагонии, где Андроник начал свое выступление, некоторое время возглавлял восставшие массы другой Псевдо-Алексей. Вслед за тем восстал малоазийский подгородный район столицы у Никомедии⁸⁵. Пытались поднять народ и имели сторонников среди простого народа Исаак Комнин и Константин Татикий. Интересно отметить, что когда император Исаак Ангел во время болгарского похода потерпел поражение и в его войске погибло много деревенских жителей и горожан, то он даже был доволен их гибелью, говоря, что они погибли за участие в мятеже Враны. Это свидетельствует о том, что мятежные настроения были живы и в войске Исаака.

Напряженным оставалось положение и в самой столице. Характерен такой случай. Однажды начальник тюрьмы подверг одного ремесленника наказанию — приказал избить его и остричь ему голову⁸⁶. За избитого вступились другие ремесленники, которые напали на тюрьму. Помещение городского эпарха было захвачено народом, сам эпарх со своим отрядом был разбит, все заключенные были выпущены из тюрьмы. Требовали свержения Исаака. Но явилось войско под предводительством одного из виднейших представителей знати — Алексея Палеолога. Несмотря на героическую борьбу народные массы были разбиты, восставшие разошлись по

⁸² Nicetas Choniata. Historia, p. 511.1.

⁸³ Никита Хониат передает анекдот о том, как латиняне, желая показать, какие у них потери, обрили убитых греков и одели их в западную одежду.

⁸⁴ Ibid., p. 551.12.

⁸⁵ Ibid., p. 553.15.

⁸⁶ Ibid., p. 695.10.

домам. Но правительство не имело никакой возможности производить расследование и наказывать участников восстания.

Не поддерживая народных масс, константинопольская городская знать стремилась, однако, использовать ослабление императорской власти в своих сословных интересах. Особое значение в столице приобретают двенадцать *κριταὶ τοῦ βήλου*⁸⁷. Эти «судьи вила» являлись самыми именитыми горожанами, имели свои дома и богатства. Они судили от имени императора, присутствовали на императорском суде и фактически представляли собою высший судебный орган в столице. Когда Фридрих Барбаросса хотел получить гарантии выполнения соглашения, он потребовал в качестве заложников судей вила. Исаак согласился их выдать, но те не повиновались. Попытка Исаака конфисковать имущество непокорных судей не удалась. Это показывает, что власть императора над городским патрициатом столицы уже была призрачна. При заключении соглашения с Фридрихом понадобилось собрать в храме св. Софии для присяги 500 человек из торгово-ремесленной верхушки столицы и придворной знати. Этот факт усиления патрициата можно считать знаменательным для Византии, вступающей в период феодальной раздробленности⁸⁸.

Провинциальные города также стремились к автономии. Они иногда использовали народные движения в целях приобретения большей независимости от центральной власти. Во время похода Фридриха Барбароссы одни города на свой страх и риск вели с ним борьбу, другие, наоборот, относились к крестоносцам дружелюбно.

Можно, следовательно, отметить важное противоречие в политическом устройстве Византии конца XII в.: Константинополь — а в меньшей степени и некоторые другие города — все более стали превращаться в города-государства, все большее значение приобретает патрициат, а распоряжение финансами и вооруженными силами империи и дипломатия находились в руках самодержавного императора, который полагал, что ему все позволено: *πάντα γὰρ ἐξείναι τοῖς βασιλεύουσι ποιεῖν*⁸⁹. Это противоречие сказалось на отношениях с западными торговыми республиками. В феврале 1187 г. во время выступления Враны Исаак заключил с венецианцами соглашение, по которому предоставил им всевозможные торговые льготы в обмен за обещанную помощь против всякого врага, коронованного и некоронованного⁹⁰. Исаак, а потом Алексей III поступились интересами византийского патрициата. Но соблюдать соглашение оказалось не под силу — соглашения постоянно нарушались⁹¹. В результате, предоставляя западному купечеству всевозможные привилегии за счет интересов местной торговли, правительство Исаака и Алексея III не смогли обеспечить нормальных условий для торговли, и венецианцы жаловались на «злодеяния», которые им причинили не только Мануил и Андроник, но и те самые Ангелы, которые так много предоставили им льгот⁹².

В правление Ангелов система проний получает дальнейшее распространение. Алексей III стал усиленно распределять *γῆδια καρποφόρα* — доходные земли и *δημοσίους ἐπιτεφοράς* — поступления налогов⁹³, т. е. предо-

⁸⁷ Nicetas Choniata. Historia, p. 538; K. E. Zachariä v. Lingethal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts, Berlin, 1892, S. 360.

⁸⁸ О значении городского патрициата см. также Nicetas Choniata. Historia, p. 631, 693. Характерно, что после захвата Константинополя крестоносцами, когда греки были разгромлены, институт *κριταὶ τοῦ βήλου* исчез.

⁸⁹ Nicetas Choniata. Historia, p. 583.16.

⁹⁰ Jus, III, p. 529—535.

⁹¹ Nicetas Choniata. Historia, p. 712.20

⁹² Ibid., p. 713.21.

⁹³ Ibid., p. 599.8.

ставлял в качестве пожалования τοῖς αὐτοῖς управление и доходы с определенных γῆδαιа и сбор в свою пользу налогов — ποσότης. Прония еще не приобрела единообразную форму, но все более растет значение военной пронии. Были установлены уже определенные нормы налогов с территории, необходимые для содержания одного воина⁹⁴. Крестоносцы, захватив византийские области, не видели различия между институтом пронии и западноевропейским феодалом. Византия — приморское государство, но ее военная организация, основывающаяся на системе пронии, стала строиться так, как если бы Византия была страной, находящейся в глубине континента. Морская мощь Византии была делом далекого прошлого.

В этом отношении разгром Исааком пригородов в 1187 г. сыграл свою роль. Пригороды не оправались. В Пропонтиде, где были рыбацкие селения, Исаак построил дворцы, окруженные парками, и увеселительные искусственные островки. Еще больший ущерб принесло распоряжение Алексея III превратить леса европейской части окрестностей Константинополя в запретный парк для охоты императора⁹⁵, так что морякам Пропонтиды невозможно было строить корабли и рыбацкие суда. Это не только затронуло интересы рыбаков Пропонтиды, но и нанесло серьезный ущерб кораблестроению и морской торговле Константинополя вообще.

Не удивительно, что при очень неблагоприятном для Византии международном положении конца XII—начала XIII вв. народные массы Византии не имели времени преодолеть создавшиеся трудности, и Константинополь и большая часть византийской территории были захвачены крестоносцами и венецианцами.

---

⁹⁴ Nicetas Choniata. Historia, p. 637.11. Чтобы привлечь на службу генуэзского пирата Кафуру, Алексей III предоставил ему «в управление» столько земли, сколько нужно для содержания семикратного количества воинов, бывших у Кафуры — это типичная военная прония.

⁹⁵ Ibid., p. 716.6.